

*Посвящается герою моей собственной
истории любви — Эшли*

Глава 1

«Рози, тебе не хватает спонтанности».

Я, наверное, ослышалась. И в лучшие времена от усталости у меня в голове образуется каша, а сегодня я провела на ногах двадцать часов. Слова доходят с трудом. Я силюсь разгадать, к чему он клонит.

Стрелка часов перевалила за два ночи, на календаре — второе февраля, суббота, а это значит, что мне официально исполнилось тридцать два. Согласно моему расписанию, я уже должна видеть десятый сон, но я спонтанно решила задержаться на работе и испечь тарт с соленой карамелью для нас с Каллумом, в надежде, что хоть в этом году он не забыл о моем дне рождения.

Каллум никогда не обращает внимания на мелочи, и в этом плане мы очень разные. Зная его, я пытаюсь не принимать это близко к сердцу, но в глубине души хочу верить, что он подводит к великолепному сюрпризу в честь моего дня, а не просто затевает ссору.

— Прости, Каллум, что ты сказал? — стараюсь звучать непринужденно и делаю слишком щедрый глоток дешевого красного вина. Я нашла его в дальнем углу кухонного шкафчика после того, как Каллум сказал, что нам нужно поговорить.

Тайком кидаю взгляд на стоящий рядом столик, надеясь увидеть подарок в красивой оберточной бумаге,

но на нем лежит лишь стопка кулинарных книг. Ну и ладно. Сдались мне эти подарки. Проявления любви бывают разные. Может, утром Каллум принесет мне вкусный завтрак в постель...

Глаза закрываются сами собой. Давным-давно перевалило за полночь, ноги гудят и усталость пробирает до самых костей. Я слышу соблазнительный шепот моей кровати: *иди ко мне, Роза, отдохни, выпишись...* Даже мысли об аппетитном, тающем во рту праздничном тарте не могут заставить меня оставаться в сознании и здравом уме. Но я знаю, что надо сосредоточиться, Каллум хочет мне что-то сказать...

— Ты что, спишь? — Я встрепелась. Его раздраженный голос выводит меня из полудремы. — Роза, прошу тебя, не усложняй.

Он говорит это так, словно я специально тут носом клюю.

Не усложняй? Это он про что? Я трясую головой, пытаюсь отогнать сонливость.

— В смысле не хватает спонтанности? Это как? — Может, Каллум нервничает, потому что готовится достать из кармана два билета на Багамы с возгласом: «С днем рождения, Роза, беги собирать чемоданы!»

Он протяжно и выразительно вздыхает, будто бы от моей недогадливости. Я не понимаю, зачем он говорит загадками в такое позднее время, прекрасно зная, что через пять часов мне нужно быть на работе.

— Слушай... — Каллум пропускает руку через редящие рыжие волосы. — Мы же оба понимаем, что все кончено.

— Кончено? — я открываю рот от удивления. Это же на сколько меня вырубил? — Ты имеешь в виду, *между нами?*

Чайный фургончик Розы

Мое неверие пропитывает воздух. С каждой секундой происходящее все меньше и меньше напоминает веселое празднование моего дня рождения.

— Да, — он прячет взгляд.

— Потому что мне не хватает... — я изображаю кавычки в воздухе, — *спонтанности*?

Он что, хряпнул моего хереса для готовки, пока меня не было?

Муж не поднимает взгляд.

— Ты слишком холодная. У тебя каждый день расписан по минутам, от пробуждения до возвращения в кровать. Ты на все отводишь строго определенное время, и в твоём графике просто нет места веселью, развлечениям или, боже упаси, сексу в тот день, когда ты его не планировала.

Ну да, я всегда планирую наперед, и что теперь? Приходится из-за работы: я сушеф в популярном мишленовском ресторане «Эпоха» в Лондоне. Каллум должен это понимать, ведь у него такая же профессия в другом ресторане (только, к сожалению, без звезды Мишлен). Если бы я не расписывала наши встречи по графику, мы бы никогда не проводили время вместе! Да и как по-другому выполнять все свои ежедневные задачи? Сложно здраво оценить давление, под которым я нахожусь.

— Я... Я... — я не знаю, что и сказать.

— Вот видишь! — Каллум смотрит на меня словно на упертое дитя. — Тебе даже сейчас все равно! От комнатного растения любви больше, чем от тебя. Ты порой абсолютный сухарь, Розы.

От его обвинения я вздрагиваю, словно от пощечины.

— Это жестоко, Каллум! Серьезно, как ты можешь такое говорить? — Честно говоря, я и правда не любительница широких жестов. Я предпочитаю выра-

жать любовь в блюдах, которые готовлю для партнера с большим трудом и старанием. Это мой способ показать привязанность.

Осознание накрывает меня тяжелой волной.

— У тебя есть кто-то еще, да?

По крайней мере, мужу хватает совести покраснеть. Внутри всё переворачивается, меня охватывает полнейшее отчаяние. *Как он мог?*

— Да? — повторяю я, ожидая ответа. Раз уж он решил побросаться во все стороны громкими словами, пусть и о себе не умалчивает. В разрыве есть и его вина тоже. От боли сердце разрывается. Надеюсь, я сплю и это просто ночной кошмар.

— Ну да, но что в этом удивительного? Мы с тобой словно корабли в море. Была бы ты более...

— Только попробуй сказать «спонтанной».

— Была бы ты *менее холодной*, — Каллум ухмыляется. *Серьезно?* Похоже, я совсем его не знала. Он взаправду считает, что растаптывать мое сердце — совершенно нормально?

Его лицо краснеет, словно ему стыдно, и он с неохотой продолжает:

— Просто... Розы, ты слишком предсказуема. Я точно знаю твое и *наше* будущее, потому что оно распланировано до последней секунды. Ты *всегда* будешь сушефом с графиком дня от восхода до заката. Ты никого к себе не подпускаешь. И даже когда я уйду, все продолжится в точно таком же ритме, — он мотает головой, будто бы разочарованный во мне, но выражение его лица смягчается. — Мне очень жаль, Розы, но я легко могу представить твое будущее: ты убежденная холостячка, выращивающая в своем саду самые выгодные по цене травы по эту сторону Темзы. Правда, я надеюсь,

Чайный фургончик Розы

что все будет не так. Может, ты найдешь кого-то, кто перевернет твой мир. Но этот кто-то — не я.

Чего? Мало того что Каллум меня бросает, так еще и записывает в старые девы. Пророчит одинокую жизнь, в которой у меня будет разве что эстрагон под бочком! Не дождется! Может, я невыспавшаяся, но я не идиотка. Чувства, которые были у меня к нему, все еще бурлят внутри, но я вспоминаю, что у него в жизни есть другая, и это подстегивает мою решительность.

Муж вздыхает и одаряет меня сочувственной улыбкой:

— Не горю желанием это говорить, но... Ты превращаешься в своего отца. Тоже не хочешь покидать...

— Выметайся, — произношу я. Этому монстру здесь не место.

— Что?

Сухарь я, значит?

— ВОН! — взревела я так громко, как только была способна.

— Мы разве не будем решать, что кому достанется после развода?

— Ты меня слышал, Каллум. Проваливай!

Я не дам вытирать об меня ноги лишь потому, что он считает, что ему все позволено, не доставлю ему такого удовольствия.

— Ладно-ладно, но квартира достанется мне. А ты можешь...

— СЕЙЧАС ЖЕ! — мой крик пугает меня саму. *Вот тебе страсть, которую ты так хотел.* — ПРОЧЬ!

Каллум вскакивает с дивана и бросается в коридор. Я замечаю, что там лежит собранный заранее небольшой чемодан с вещами: он знал исход этого разговора еще до меня. Муж бросает на меня последний виноватый взгляд и уходит, хлопнув дверью.

Вот так вот просто. Раз — и ушел. Будто оставить меня настолько легко и просто.

Я ложусь на диван и изо всех сил обнимаю подушку. Жду, пока боль утихнет. Когда и как всё пошло наперекосяк? Он мне изменил? Откуда у него вообще время на это?

Да, я особо никуда не выхожу, если это не касается работы, но у меня просто не хватает на это времени! Я же не похожа на отца, правда? Нет, Каллум просто хотел задеть меня подобным сравнением. Он знает мои слабые места.

Боль от его слов прожигает меня изнутри. В душу закрадываются сомнения: может, я действительно слишком предсказуемая, всегда следую графику...

Признаться, жизнь и правда сковала меня в действиях. Апатия и уныние закрались в каждый уголок моих будней, даже в меню ресторана. Дни сменяют друг друга, и ничего существенно не меняется, кроме, конечно, «блюда дня». Зато карьера идет в гору, но даже она перестала меня радовать.

Я устала. Устала раскладывать микрозелень по тарелочкам, готовить маленькие блюда по немаленьким ценам. Устала от постоянных препирательств на кухне, от шума, бахвальства и предательств. От того, что света белого не вижу, что не встречаю закаты, что не могу вечерами проводить время с мужем, не засыпая на ходу.

Это все — моя вина? Я правда сухарь? Но мне нравится порядок, рутина, нравится знать, где мое место в мире. Чтобы без суматохи и хаоса, без опасения, что я потеряю контроль над какой-нибудь сферой жизни. Необходимость систематизировать все происходящее у меня с детства. Неужели за это пришлось платить моим браком?

Но он обещал любить меня и в радости, и в горе.

И что теперь? Надеяться, что он образумится, или умолять его вернуться?

Чайный фургончик Розы

Я вздыхаю и кладу ладонь на сердце в надежде облегчить боль. Я больше не могу доверять Каллуму. Я всегда придерживаюсь определенных правил и простить измену просто не могу.

Но, черт побери, у нас вся жизнь была распланирована! Первого ребенка мы планировали зачать в две тысячи двадцать первом, второго — в две тысячи двадцать третьем. А он так просто отмахнулся от своих детей и ушел! Он же понимал, что я готова отказаться от карьеры ради семьи, хотя я так много и упорно работала. И сделала бы это без сожалений.

И вот как все обернулось.

В кулинарном мире сплетни распространяются быстро, как лесной пожар. Меня втянули в скандал против моей воли. Я пахала пятнадцать лет, чтобы занять такую высокую должность, жертвовала свободным временем, настоящей дружбой, развлечениями... Но это все было во имя будущего, гобелена наших жизней.

От одной мысли об этом глаза начинает жечь.

Мне хочется плакать и выть, мучить себя мыслями о той, другой, женщине, или оторвать себя от дивана и кинуть испеченный с любовью тарт в стенку, или съесть его целиком, пока слезы ручьями катятся по моим щекам. Ну, знаете, как в фильмах.

Вместо этого я проваливаюсь в сон. Просыпаюсь уже утром от пронзительной трели будильника в нелепо раннее время. Вместе с пробуждением я осознаю, что должна покинуть Лондон. Тридцать два — прекрасный возраст, чтобы начать все сначала.

Не спонтанная, значит? Сухарь? Умру старой девой? Похожа на отца?

Ну я тебе покажу.

Глава 2

Я едва замечаю солоноватый запах морепродуктов, так привычный рынку Биллингсгейт. Сразу направляюсь к торговцу рыбой и отбарабаниваю заказ, не обмениваясь с ним даже элементарными вежливостями. Джон, у которого самые свежие морепродукты во всем Корнуолле, замечает мою нервозность.

— У вас все хорошо, Рози? Вы будто сама не своя. — Он оглядывает меня, будто стараясь понять, что изменилось.

— Эм-м... — поспешно придумываю ответ. — Чай не пила сегодня.

Чай — еще одна моя страсть. Я смешиваю его под разные настроения и состояния: для энергии, расслабления и всего остального, на что хватит воображения. Если мне придется бросить работу, запасной вариант всегда есть: продавать чай!

Джон склоняет голову:

— Да вам он и не нужен, Рози. Выглядите... оживленной, — он пожимает плечами. — Уж явно не как этот товарищ, — он, издав свой фирменный «ха!», указывает на мертвую камбалу, которая смотрит на меня немигающими стеклянными глазами. От сравнения с почившей рыбкой меня передергивает.

Джон собирает мой заказ и обещает сразу же отправить его в ресторан «Эпоха».

Чайный фургончик Розы

Я правда выгляжу оживленной?

Иду к мяснику, чтобы подтвердить еженедельный заказ, когда до меня доходит: разве я не должна ходить с опухшим лицом, красными глазами и волосами, спутавшимися оттого, что я в беспокойстве елозила всю ночь? Но все совсем наоборот: меня наполняет безудержная энергия. Я собираюсь выкинуть что-то совершенно не в моем стиле. Нечто дерзкое, смелое и неожиданное. Правда, пока не знаю, что именно, но мое стремление к масштабным переменам неудержимо. *Так-то.*

Я непоколебимая Розы, у которой никогда ничего не меняется.

Я докажу всему миру, что это не так, что я не погрязла в рутине серых будней. Я поражу всех, включая Каллума. Совершу нечто полностью противоположное тому, чего он от меня ждет, потому что я себя знаю. Либо начну двигаться дальше прямо сейчас, либо так и опущу руки.

В предсказуемости есть свои недостатки, и настало время это изменить. Прыгнуть, так сказать, в новую реальность.

Но какой она будет, надо еще придумать...

Стоит подумать о моем некогда милом, обаятельном, рыжеволосом муже, как дыхание перехватывает, поэтому мысли о нем я сразу отбрасываю куда подальше. Пока иду, прокручиваю в голове снова и снова: *не сдавайся, держи себя в руках. Поплачешь и пострадаешь дома.*

На рынке Боро я заглядываю к мяснику, потом во французскую пекарню и, наконец, к нашему поставщику продуктов. Только после этого я готова отправляться в ресторан и готовиться к обеденному времени.

Первым делом в «Эпохе» я встречаю управляющую рестораном. Перед ней нетронутый эспрессо и бумаги